

страстями; не укрощаем в себе ни ярости, делающей надменными и зверскими, ни унижающего превозношения, ни безрассудной скорби, ни необузданного сладострастия, ни блудливого смеха, ни наглого взора, ни ненасытного слуха, ни неумеренной говорливости, ни превратного образа мыслей, ни всего, что против нас у нас же самих берет лукавый, вводящий, как говорит Писание, смерть сквозе окно (Иер. 9, 21), то есть через чувства. У нас все наоборот. Как цари даруют пощаду после победы, так мы даем свободу страстям других, если только потворствуют нам и дерзостнее или нечестивее устремляются против Бога, и за недоброе воздаем худой наградой, за нечестие – своевольством.

Но я буду спрашивать тебя мало, совопросник и вещей муж, ты же Мне объясняй, говорит Иову Вещавший сквозь бурю и облака (Иов. 38, 1–3). Что слышишь, много у Бога обителей или одна? – Без сомнения согласишься, что много, а не одна? Все ли они должны наполниться? Или одни наполнятся, а другие нет, но останутся пустыми и приготовлены напрасно? – Конечно все, потому что у Бога ничего не бывает напрасно. – Но можешь ли сказать, что понимаешь под таковой обителью: тамшнее ли упокоение и славу, уготованную блаженным, или что другое? – Не другое что, а это. – Но согласившись в этом, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам эти обители; или нет ничего такого? – Непременно есть нечто. – Что же такое? – Есть разные роды жизни и избрания, и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. – И всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? – Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может, большим числом путей. Если же и того нельзя, то некоторыми. Но если и это невозможно, то примется в уважение, как мне, по крайней мере, кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. – Правильно понимаешь это. Поэтому что же, по твоему мнению, означается словом, когда слышишь, что путь один и притом тесен? – Путь один относительно добродетели, потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов и потому, что для многих непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идет путем порока. Так и я думаю. – Но если это справедливо, то почему же наилучший, как будто уличив наше учение в какой-то скудости, оставили вы все прочие пути, а стремитесь и спешите на этот один путь, на путь, как вам представляется, разума и умозрения, а как я скажу пустословия и мечтательности? Да вразумит вас Павел, который, по исчислении дарований, сильно упрекает за это, говоря: Все ли апостолы? Все ли пророки? И так далее (1 Кор. 12, 29).

Положим, что ты высок, выше самых высоких, а если угодно, выше и облаков; положим, что ты зритель незримого, слышатель неизреченного, восхищен, как Илия, удостоен богоявления, как Моисей, небесен, как Павел. Для чего же и других, не больше как в один день, делаешь святыми, производишь в богословы и как бы вдыхаешь в них ученость, и составляешь многие сонмища неучившихся книжников? Для чего опутываешь паутинными тканями тех, которые наиболее немощны, как будто это дело мудрое и великое? Для чего против веры возбуждаешь шершней? Для чего плодишь против нас состязателей, как в древности мифология – гигантов? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор в одну яму, и своим ласкательством сделав их еще женоподобнее, построил ты у себя новую рабочую, и не без разума извлекаешь для себя пользу из их неразумия?

Ты возражаешь и против этого? У тебя нет другого занятия? Языку твоему обязательно должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользой недуг этот. Рази Пифагорово молчание, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку новых времен: сам сказал! Рази Платоновы идеи, переселения и круговороты наших душ, воспоминание и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; рази Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрию удовольствие; рази Аристотелево немногочисленное провидение, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; рази надменность стоиков, ненасытность и шутовство циников. Рази пустоту и полноту, и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах и демонах, благотворных и злоторных, какие разглашаются о местах прорицания, о вызывании богов и душ, о силе звезд.

А если ты не достаиваешь это и словом, как маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своим предметом и в нем ищешь пищи лю-бочестию, то и здесь укажу тебе широкие пути. Любомудрствуй о мире или мирах, о веществе, о душе, о разумных – добрых и злых природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Относительно этого и ус-